
Вера Чиркова

ПРОКЛЯТЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ. БОННА
ПРОКЛЯТЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ. МАГИНЯ

ЗАЛОЖНИЦА. СДЕЛКА
ЗАЛОЖНИЦА. ИСПЫТАНИЕ
ЗАЛОЖНИЦА. ЗАПАДНЯ

СТАРЫЙ ЗАМОК. БЕГЛЯНКА
СТАРЫЙ ЗАМОК. ПРИМАНКА

РАЗБОЙНИК С БОЛЬШОЙ ДОРОГИ. БЕСПРИДАННИЦЫ
РАЗБОЙНИК С БОЛЬШОЙ ДОРОГИ. КАДЕТКИ
РАЗБОЙНИК С БОЛЬШОЙ ДОРОГИ. СОРАТНИЦЫ
ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ЛЮБВИ

СПАСТИ НЕЛЬЗЯ ОСТАВИТЬ. СБЕЖАВШАЯ НЕВЕСТА
СПАСТИ НЕЛЬЗЯ ОСТАВИТЬ. ХРАНИТЕЛЬНИЦА
ЗВАНИЕ БАБА-ЯГА. ПОТОМСТВЕННАЯ ВЕДЬМА
ЗВАНИЕ БАБА-ЯГА. УЧЕНИЦА ВЕДЬМЫ

ДОЧЬ ДВУХ МИРОВ. ИСПЫТАНИЕ
ДОЧЬ ДВУХ МИРОВ. ВОЗВРАЩЕНИЕ

ПОСЛЕДНИЙ ОТБОР. СМОТРИНЫ ДЛЯ СТРОПТИВОГО ПРИНЦА

Цикл «Серпантин»

ВИРАЖИ ЧУЖОГО МИРА
БЕГУЩИЕ ПО МИРАМ
ИНТРИГИ ТЕМНОГО МИРА
ТАЙНЫ ЗАКРЫТОГО МИРА

Цикл «Магглор»

МАГ ДЛЯ БАСТАРДА
ВОЖАК ДЛЯ ПРИНЦЕССЫ
ПОДРУГА ДЛЯ МАГА

РОМАНТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Вера Чиркова

Последний отбор.
Смотрины для строптивного принца

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Роман

Москва, 2019
 SARMA
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Ч-64

Серия основана в 2011 году
Выпуск 425

Художник
О. Бабкин

Чиркова В. А.

Ч-64 Последний отбор. Смотрины для строптивного принца: Роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019. — 280 с.: ил. — (Романтическая фантастика).

ISBN 978-5-9922-2854-0

Собираясь жениться, знатные и богатые женихи Тезгадора имеют обыкновение объявлять смотрины невест. Однако в народе эти важные события называют просто отбором. Ведь лорды и господа выбирают девушек дотошно, как породистых лошадей или гончих псов. И испытывают претенденток в жены всеми способами, какие только придут в голову устроителям этих смотрин. И по всем параметрам. Красоте и элегантности, умению петь, танцевать, вышивать... Проверить силу, скорость и ловкость тоже не забудут. Ведь молодая жена должна быть готова в любой момент и во всякой ситуации спасти мужа... от скуки, от головной боли, от пожара... заодно и от потопа.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Чиркова В. А., 2019
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019

ISBN 978-5-9922-2854-0

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Неладное я заподозрила сразу. В тот самый миг, как карета остановилась у крыльца отлично знакомого мне роскошного особняка. Настоящего дворца, по уверению бывавших здесь гостей, и склада древней мебели и традиций, по мнению Эстена, его владельца.

Мы дружили с Эстом давно и прочно, но тайно, никому не позволяя извратить и опошлить невозможную, по мнению падких на приключения придворных дам и господ, дружбу между молодыми мужчиной и девушкой.

Им ведь всем невдомек, как давно мы выяснили все разногласия и предпочтения, сколько у нас за плечами битв и походов. Разумеется, в поле мы ходили не вдвоем, а в компании Ренда. Наш верный товарищ и командир называл себя только так, не желая привнести хоть тень реальной жизни в мир приключений и опасности.

В том мире он был именно рейнджером, метким и бесстрашным стрелком, не раз первым вступавшим в бой против стаи монстров или роя нечисти. А вот какой титул или звание он носил здесь, в великом Тезгадорском королевстве, не было известно никому из нас. По крайней мере, мне не встретился пока еще ни один человек, который назвал бы его иным именем.

— Зачем мы сюда приехали? — холодно осведомилась я, высокомерно приподняв бровь.

— Навестить Хелению, — невозможно ответила тетушка Маральда.

— А разве у его милости сегодня приемный день? — недовольно уставившись на родственниц, пристально вгляделась в ответ их аур.

Нет, не настолько я сильна в ментальной магии, чтобы безошибочно определить любое чувство собеседника. Но амулет, выменянный недавно в лавочке старого жулика Гиммо на фамильное кольцо, помогает распознавать сильнейшие эмоциональные оттенки. И теперь мне все яснее виделись зеленые змеи лжи, танцующие над головами обеих теток. Маральды — со стороны отца и Джаны — старшей кузины матери.

Интересно, какую еще пакость задумали интриганки, которым родители были вынуждены меня доверить, уходя в экспедицию на Асгардор.

— Но ведь мы не к его милости! — делано возмутилась Джана. — Проведывать претенденток можно каждый день с часу до трех пополудни.

— А зачем их проведывать? — недовольно ворчала я, с огорчением понимая, что деваться некуда и ничего изменить сейчас уже нельзя.

Раз мы уже у крыльца, придется вылезать и идти в дом. Не разворачивать же карету, это тотчас воспримется всеми как открытое нарушение правил приличия и оскорбление его милости.

И у него не останется никакой возможности не ответить на обиду соответственным образом. Лордам положено тщательно следить за соблюдением законов, иначе в один далеко не прекрасный день они перестанут действовать. Законы, разумеется. А этого допустить не желает никто из знати.

О том, что все-таки попалась в ловушку старых интриганок, причем глупо и доверчиво, как последняя пастушка, я догадалась далеко не сразу. Первые смутные подозрения возникли лишь в тот момент, когда, просидев полчаса в одиночестве в уютной гостиной, я попыталась выйти и с изумлением обнаружила, что дверь заперта снаружи. В душе вмиг лесным

пожаром полыхнула паника, но я постаралась взять себя в руки и подавить беспокойство.

Ведь до этого дня мне и в голову не приходило выяснять, как проводятся смотрины знатных невест, которые все именовали попросту отбором. Наверное, из всех молодых леди королевства я единственная совершенно ничего не знала о правилах, установленных для благородных гостей во дворце Эстена. Мне это было попросту без надобности и потому неинтересно.

Вначале мне даже пришло в голову, что, вероятно, таким способом герцогские фрейлины, традиционно устраивавшие подобные мероприятия, пытаются защитить хозяина дома от происков неудачниц, не попавших в число избранниц.

Более серьезный укол тревоги я почувствовала, увидев входящую в комнату леди Анбетт, старшую фрейлину герцога Таринского. Но еще наивно надеялась, что эта суровая леди всего лишь желает со мной поздороваться. Ведь мы с ней были хоть и очень неблизкими, но все же родственницами.

— Поздравляю, леди Элгиния, — торжественно произнесла она, и в ее взоре отчетливо мелькнуло торжество и еще что-то непонятное, но явно недоброе. То ли ехидство, то ли злорадство... в тот миг мне было не до этого, так потрясли меня ее следующие слова: — Ваше прошение рассмотрено и одобрено. С этого момента вы двадцать первая официальная гостья лорда Эстена Денлуа.

— Какое прошение? — потрясенно нахмурилась я. — Это какая-то ошибка...

— Не стоит стесняться, — теперь в ее голосе отчетливо звучала злая издевка, — лорд Эстен — очень завидный жених, а у вас на смотринах будет явное преимущество перед большинством из уже прибывших невест. Дверь слева — ваша спальня, справа — купальня и гардероб. Ваши вещи придут к вечеру.

Я попыталась объяснить еще раз, но старшая фрейлина не стала даже слушать. Развернулась и вышла, не забыв повернуть в замке ключ.

И лишь оставшись в одиночестве, осознала с предельной ясностью, насколько сильно вляпалась. Вернее, как подло ме-

ня сунули в это болото, из которого нет никакого выхода. Достойного имени моей семьи, разумеется.

И хотя вина тетюшек уже была бесспорной, но не менее очевидной для меня стала и собственная грубая ошибка. Я сама несколько месяцев назад проявила непростительную беспечность, позволив Джане ставить мою печать на письмах и поздравлениях. Хотя почти ликовала в тот момент, когда тетюшка взяла на себя занудные обязанности моего секретаря. Читать каждый день по полсотни заверений в расположении, преданности и дружбе, приглашений на различные обеды и полдники, да еще и писать на них ответы со всеми положенными витиеватостями, всегда было для меня худшим из наказаний.

А ведь в первые месяцы после отъезда родителей компаньонки были почти паиньками. В переписку не лезли, своего мнения не навязывали, лишь изредка пытались словно ненароком намекнуть на нарушенные мной правила для знатных девиц. Однако всегда смирялись перед предусмотрительностью моего отца.

— Гинни, — мягко сказал он полгода назад, собираясь в путешествие, и я тотчас насторожилась. Детским именем родители называли меня только в тех случаях, когда намеревались преподнести не самую приятную новость. — Ты же понимаешь, что оставить тебя без присмотра мы не можем? Разумеется, ты не натворишь ничего предосудительного, тут мы за тебя абсолютно спокойны. Но непременно найдутся наглецы, желающие проверить ночную защиту нашего замка...

Спорить с этим было бы неразумно и самонадеянно, хотя я без труда могла доказать, что легко продержу целую ночь щиты хоть против взвода герцогских егерей. Вот только таких доказательств никому бы не потребовалось. Большинство желчных сплетниц и интриганов твердо убеждены, что все оставшиеся без присмотра девушки только и ждут подходящего случая, чтобы пуститься во все тяжкие.

— По себе судят, — всегда говорила моя мать.

Она встретила отца лишь в двадцать семь, и к тому времени все родичи за глаза, а некоторые и напрямую, иначе как старой девой ее не величали. Маменька всегда смеялась, называя их недогадливыми. Сама-то она точно знала, что никогда не выйдет замуж за мужчину, с которым ей становится скучно разговаривать уже через пять минут после знакомства.

А вот обе оставленные со мной тетюшки были из тех самых, мнимых доброхотов, которые когда-то предрекали ей одинокую старость, а сами бросались на любого мужчину как кошки на мышь. Однако мужчины, судя по всему, вовсе не мечтали чувствовать себя добычей и исчезали из жизни решительных праведниц со скоростью падающей звезды.

Поэтому к настоящему моменту Маральда, так и не получившая права распоряжаться отписанным ей приданым, вынуждена скитаться по близким и дальним родичам, все надежнее обрастая репутацией моралистки и редкой зануды. А Джана, испытав предательство лорда, решившего было соединить с ней судьбу, но очень скоро осознавшего недалёковидность этого выбора, водрузила на свои мечты огромный камень. И внезапно сделалась рьяной свахой, возможно, из желания хоть так приобщиться к сказочному миру женихов и невест.

Разумеется, в тот далекий теперь день я сильно огорчилась, хотя протестовать и не подумала, не желая лишать отца долгожданной поездки. Да и прекрасно понимала, насколько справедливы его доводы. Как ни крути, а репутация в нашем обществе — вещь хотя и неосязаемая, но весьма ценная. И если я однажды встречу мужчину своей мечты, то даже малейшее пятнышко на этом призрачном предмете женской гордости может разрушить мое счастье. Наше счастье.

— Не переживай так, Гинни, — успокаивал меня тогда отец, — я выдал управляющему и дворецкому тайные указания, они будут держать тетюшек в узде. Эти приживалки немедленно вылетят из замка, если попытаются провернуть хоть одну интригу. И будут жалеть о своей опрометчивости до конца жизни.

Но пока жалела я.

Остро, до боли. Отчетливо понимая, как серьезно подружили эти гадины тщательно лелеемый цветок моей свободы и независимости. А те, кого я так наивно считала верными товарищами, даже не подумали встать на мою защиту.

Хотя у них была возможность. И те несколько часов, пока за окнами догорал этот проклятый день, я простодушно верила, что они ее используют. Сначала истово надеялась, что Эст примчится, как только узнает о пополнении в толпе претенденток на него. Потом, рассудив, что это будет выглядеть как особое внимание и не пойдет на пользу моим интересам, терпеливо ждала приглашения на ужин.

И шла в трапезный зал в сопровождении двух важных фрейлин, мечтая лишь об одном: чтобы Эст меня увидел и сообразил, как сильно я нуждаюсь в помощи. А в том, что он сумеет придумать способ деликатно освободить меня от испытаний и необходимости бороться за абсолютно ненужное место его невесты, я даже не сомневалась. Мои напарники почти в равной мере обладали весомыми познаниями в тактике военных действий, которые мы вели в почти ежедневных вылазках, но Эст все же немного чаще предлагал дерзкие, отчаянно смелые планы. Ренд всегда был осмотрительнее и рассудительнее верного друга.

Моя уверенность в правильности расчетов поколебалась в тот миг, когда старшая фрейлина важно, с почти откровенным торжеством, представила меня претенденткам. А разглядев бледнеющие и вытягивающиеся лица прогуливавшихся по обеденному залу знатных девиц, съехавшихся не только из городов и замков герцогства, но и из разных концов нашего материка, я внезапно ощутила, как по спине пополз холодок ужаса.

Чересчур серьезно и официально было все происходящее здесь, и слишком велика оказалась на фоне этого моя невольная ошибка.

Вот теперь я очень ясно понимала, что мне с первых же минут пребывания взаперти нужно было орать и рвать на себе волосы, чтобы, приобретя звание истерички, получить в пару

к нему определение обманутой тетками дурочки. А сейчас я уже прочно затянула на своей шее петлю добровольной соискательницы на место законной жены его милости лорда Эстена Денлуа.

И наверняка за прошедшие часы об этом стало известно всем в герцогстве, не то что во дворце Эста. Следовательно, он никак не мог пропустить этой новости... но до сих пор почему-то даже палец о палец не ударил для моего спасения.

За стол я садилась как на скамью преступников, стараясь ни с кем не встречаться взглядом и не замечать едкой улыбочки, едва заметно кривившей тонкие губы старшей родственницы.

Хотя отныне она может навсегда забыть о нашем родстве, я о нем уже четыре часа как не помнила. Незачем считать родственниками людей, которые вспоминают об общих бабушках и дедушках только в минуты надобности или ради выгоды. Их собственной, само собой. Беды и печали всех остальных людей таких особ никогда не интересуют.

Мне что-то положили на тарелку, но прикасаться к еде в этом доме не возникло никакого желания. Я для вида вяло крутила вилку, когда объявили выход его милости.

Вставать знатным леди в такой ситуации не полагалось, но все претендентки как одна оставили вилки и бокалы и сложили ручки на коленях. «Надо же, — едко усмехнулась я про себя, — какой строгий этикет в доме бесшабашного Эста», — но вилку невольно положила.

Его милость быстро прошел на свое место, отстраненно пожелал всем приятного аппетита и уткнулся взглядом в тарелку, но нужно было знать привычки и жесты Эстена хоть вполтину меньше, чем я, чтобы не понять, насколько он взбешен. Словно выманил на ровное место семейку особо ценных монстров и по оплошности половину упустил недобитыми в бурный ручей или в каменистый овраг.

Ужин заканчивался, жених по-прежнему смотрел только перед собой, не обращая ровно никакого внимания ни на одну из избранниц. И судя по недоуменным взорам разнаряжен-

ных сотрапезниц, вел себя далеко не так, как обычно. А вот мой личный опыт подсказывал, что злость напарника не только не унялась, но и наоборот, разгорелась еще жарче.

И поскольку сегодня во дворце не произошло ничего серьезного, кроме моего появления, сам собой напрашивался единственный вывод: так разозлить молодого лорда могло лишь это событие.

В таком случае напрасно я ждала помощи от его милости, Эст явно не имел никакого желания ради нашей дружбы преступать законы и вмешиваться в планы герцогини Таринской. Хотя и должен был помнить, что как раз от нее ему и не стоит ждать ничего доброго.

А у меня на тот момент оставалась всего одна, хотя и слабая, надежда. Попросить помощи у Ренда. Именно ради этого я спокойно отправилась в выделенные мне покои. Те самые, куда тетушки привели меня несколько часов назад и оставили в гостинной якобы на минутку, пока они найдут кого-нибудь, кто сможет позвать Хелению.

Кстати, троюродная кузина тоже была здесь. Пришла на ужин минутой позже меня, но демонстративно села как можно дальше. Даже не подозревая, что тем самым навсегда вычеркивает себя из списка моих родственников и друзей.

Учитель как-то сказал, что все люди познаются в беде, и сегодня я убедилась в этом на собственной шкуре. Жаль только, Стайн не предупредил, как больно и горько разочаровываться в тех, кого привык считать одним из близких друзей.

До десяти часов я успела заплести волосы в обычную косу и переодеться в самое скромное из платьев, принесенных слугами, но собранных подлыми тетушками. Разумеется, слово «простенькое» подходило ему так же мало, как бриллиантовой герцогской короне, хотя я и постаралась срезать все драгоценные кружева и золотые пуговицы.

Но, несмотря на эти усилия, отлично понимала, как сильно паразит соратников мое появление на базе в антарском бархате. И какими взглядами они будут меня провожать. Однако

заранее была готова снести и недоумение и насмешки, лишь бы оказаться подальше от этого дома.

Вот только никак не ожидала, что этого может не желать его хозяин.

Эстен появился в моей гостиной за десять минут до срока открытия общих порталов и, остановившись в дверях, сквозь зубы приказал отдать ему мой личный знак наемника.

— В честь чего? — мгновенно вспыхнула я возмущением.

— Моим невестам не пристало бегать по Харгедору.

— Я пока не твоя невеста и надеюсь никогда ею не стать! — Осторожно отступив назад, я незаметно готовила сильный щит.

А в душе еще наивно верила, что Эст не станет поднимать на меня руку, хотя вполне может бросить «замедление». В том, что он не постесняется содрать с моей шеи амулет, в который вложен порталный маячок, я резко перестала сомневаться, глядя в незнакомо холодные, жестко прищуренные глаза старого друга.

— Ну, на что ты надеялась, — с внезапной ненавистью выплюнул лорд презрительно, — сегодня увидели все. А сейчас не твоя очередь...

Договаривать он не стал — резко прыгнул ко мне, намереваясь схватить за руку. И это ему почти удалось... но только почти. Щит сработал, как всегда, мгновенно, но в этот раз в нем не было допуска ни для кого.

Его милость попросту выкинуло в узкий зал-галерею, впечатав в противоположную стену. А я моментально захлопнула и запечатала дверь, от испуга проделав это втрое быстрее, чем обычно. И лишь минуту спустя запоздало сообразила, что сегодня на базе появится свободный щит. После этой выходки Эст никогда не позволит Ренду взять меня в свой отряд.

Да я и сама в тот момент совершенно не рвалась сражаться с монстрами за чужие поля и деревни. Меня ожидала более важная битва, за собственную судьбу и независимость. А еще за дружбу и доверие...

И я умудрилась проиграть ее вчистую.

— Твои напарники уже ушли в седьмой квадрат! — озабоченно крикнул знакомый порталщик, заметив, как я выхожу из своего отсека.

Пришлось делать вид, будто опоздала случайно, и просить об услуге. Ничего не подозревающий маг согласился меня перебросить, но предупредил, чтобы впредь была поаккуратнее. Виновато улыбаясь, пообещала исправиться.

Ну не говорить же ему, что следующего раза, возможно, и не будет?

Седьмой квадрат был широким участком поросшего редколесьем и сорняками каменистого предгорья, и мы не раз отлавливали тут монстров, облюбовавших для охоты полузаросшую травой дорогу между двумя небольшими городами, до боли похожими на поселения моей родины.

Харгедор, один из четырех огромных материков нашего мира, располагался от нас так далеко, что день приходил туда, когда на наши города опускалась ночь. И очень долгое время считался самым мирным и благополучным, хотя и нищим на магические источники.

Меньше, чем здесь, в те времена их насчитывалось только на Асгардоре, откуда постепенно к нам, на Тезгедор, перебрались сначала одаренные жители, а потом и все остальное население. Выживать в краю вечных льдов и метелей без защитных амулетов, зелий и целителей с каждым годом становилось все тяжелее, поля больше не давали урожая, и кормить скот было нечем, а дичь сбежала или погибла.

Только несколько экспедиций из команды, возглавляемой моими родителями, бродили по промороженным руинам, спасая брошенные в панике библиотеки, картины, скульптуры и другие культурные ценности.

Четвертый материк, загадочный и опасный Пиргедор, постоянно сотрясали извержения и землетрясения, докатывающиеся и до нас огромными волнами океана. К его берегам не рисковало приблизиться ни одно судно, и только на маяках дежурили отчаянные порталщики.

Но больше сорока лет назад судьба Харгедора резко изменилась. В теплую летнюю ночь все жители проснулись от сильного землетрясения и, перепугавшись, выскочили на улицу. Однако толчков более не было, зато через несколько дней все одаренные отметили повышение магического фона. А прибывшие с Тезгадора магистры обнаружили, что на материке появилось несколько новых мощных источников.

Первое время все жители Харгедора были вне себя от счастья, обнимались, веселились и строили планы, как прекрасно заживут, став магами. Их эйфория бесследно исчезла уже через несколько лет, когда стало ясно, что магами будут только дети, появившиеся после судьбоносной ночи, и то далеко не все.

Зато монстры, порожденные близостью источников, мутировали и размножались с невероятной скоростью. Веками незблемый мир менялся с оглушающей быстротой, и вскоре харгедорцы вынуждены были бросить все силы на строительство защитных стен и крепких ворот да на создание особых отрядов, сопровождающих обозы и охраняющих села.

Однако с каждым годом эти меры помогали все меньше. Наконец верховный совет магов предложил взаимовыгодную сделку. Наемники цитадели будут постоянно выбивать монстров и нечисть на главных дорогах и в самых опасных местах, забирая за это все трофеи и обнаруженные в желудках монстров ценности.

Нет, вовсе не амулеты и кольца, оставшиеся от жертв. Мутанты гонялись не только за мясом, они поглощали еще и найденные в отвалах и на речных плесах драгоценные камни, ставшие природными накопителями энергии. Все обнаруженные ценности отряды наемников сдавали дежурным магистрам, получая за это на личные счета довольно внушительные суммы.

И у меня за два года вылазок накопилось там средств больше, чем дают приданого за девушкой моего круга. Однако до сих пор я не имела никакого представления о том, куда буду

их тратить. Мои родители, в пику традициям, безо всяких условий подарили мне на второе совершеннолетие доходное поместье и круглый счет в герцогском банке.

Теперь я искренне радовалась, что заработанные на Харгедоре деньги лежат в банках цитадели. Там я смогу забрать их без объяснения с подлыми тетушками, если появится необходимость скрываться от напарников.

Хотя видят боги, сначала я искренне верила, что мне удастся все им объяснить. Но по мере того как подходила к друзьям, занявшим единственно пригодную для борьбы без щита позицию, все яснее понимала, что меня здесь не ждут и видеть не хотят.

Ренд стоял на большом камне, методично отстреливая всех, кто пытался подобраться к ним поближе, а Эст кроил на лоскутки остальных, умудрившихся пробраться через рой стрел. Оснащенный магическим ускорителем и усилителем, командирский лук Ренда был равноценен по урону пятерке обычных.

Накрывшись щитами, я попыталась подойти к ним поближе, но серебристая стрелка предупреждающе ударила в камень у моих ног.

И вот это, совершенно невозможное, грубое и бездушное действие человека, которому я два года беззаветно доверяла защищать свою спину, взорвало меня незнакомой прежде яростью.

— Ну стреляй, раз тебе так хочется! — рявкнула я, непроизвольно усилив голос до такой степени, что тупые монстры даже присели на миг. — Снимаю щиты.

И немедленно выполнила свою угрозу, зная, что маги это сразу увидят.

— Дура наглая, — презрительно выплюнул Эст, мечом разваливая монстра на две ровные половинки.

Но его оскорбления уже не достигли цели. У меня в груди кипели и свивались жалящими змеями неведомые до этого момента боль и горькая, как хина, обида.

— Вы оба — подлейшие из подонков, и я действительно дура, раз столько времени считала вас людьми! — отворачиваясь, рывкнула испуганно и, глотая горькие слезы, помчалась к порталам.

— Гина, стой! — летел вслед резкий приказ командира.

— Боем своим командуй, — не оглядываясь и не останавливаясь, едко бросила я.

— Я ведь на самом деле прикажу... — в голосе Ренда слышалось предостережение.

— Не сомневаюсь, — продолжила я путь. — Теперь, когда с вас слетели лживые маски, охотно верю в любые угрозы.

— Вернись, поговорим! — примирительно крикнул мне Эстен.

— Поздно испытывать мое доверие, — не согласилась я. — Это право вы оба потеряли.

— Бой! — свирепо рыкнул на своего маа Ренд, и за моей спиной послышался свистящий шорох листьев, разлетающихся под лапами огромного зверя.

— На, малыш, — приостановившись, сунула в пасть маа припасенный для него соленый сухарик, — и помни, дружбу предавать нельзя ни в коем случае.

Бой нежно снял с моей ладони остатки угощения, лизнул кожу шершавым языком, развернулся и помчался к хозяину.

— Гина!

— Она умерла пять минут назад. Вместе с надеждой на справедливость и верой в дружбу.

Они что-то еще орали вслед... но я больше не слушала и не отвечала, боясь опуститься до примитивного, некрасивого скандала. И пока не догадывалась, что каждое слово уже навсегда врезалось мне в память и не раз еще вспомнится, береда глубоко впившийся в сердце клинок предательства.

Дойдя наконец до туманного круга защитной зоны, решительно нажала камень на амулете и, не оглядываясь, чтобы нечаянно не показать бывшим друзьям залитое слезами лицо, шагнула в портал.

На базе было тихо и малоллюдно, все бойцы в это время находятся в поле, и никому ни до кого нет дела. Да и не принято тут задавать неуместные вопросы и откровенно выражать непростое сочувствие. Мало ли что могло произойти у собрата по оружию. Во время вылазки так легко поймать ментальный удар от нечисти, обронить в болото ценный амулет или зелье или, того хуже, случайно влипнуть в чужую ловушку. Хотя и стараются отряды не переходить друг другу дорогу и не оставлять неубранных заклятий, но иногда выполнить эти правила просто невозможно. Война есть война.

Торопливо пройдя в личный отсек, заперла двери и выставила знак — «никого нет». Но пока умывалась и меняла одежду, вдруг ясно сообразила, что ни Эста, ни Ренда это предупреждение не остановит. Они обязательно появятся и заставят дежурных порталщиков открыть эту дверь. Только сначала разберутся с вызванными и разозленными монстрами. Не оставлять за собой незачищенных территорий — святое правило каждого контрактника. И в этом все мы равны, лорды и простолюдины, сильные и слабые маги.

Если взялся за выполнение задания и вышел в поле — то бейся до последнего камня и фиала с исцеляющим зельем, а на тревожный амулет нажимай лишь в абсолютно безвыходной ситуации. Спасательных отрядов очень мало, и они редко бывают свободными.

Но мои уже бывшие напарники далеко не слабаки и не новички, и амулетами обычно набиты под завязку. Эст — один из сильнейших мечников, а Ренд и вовсе самый меткий и ловкий лучник. И я не могу припомнить ни одного случая, когда нам пришлось бы вызывать подмогу.

Правда, сегодня им придется обходиться без щита, и это единственное, что может ненадолго отсрочить продолжение тяжелого разговора. Стало быть, мне следует использовать эту фору как можно полнее. Сейчас у меня нет абсолютно никакого желания смотреть на их самоуверенные рожи. Тем более выслушивать новые оскорбления и нотации.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Тяжело вздохнув, силой воли заставила себя забыть на время обиды и сосредоточиться на самом важном — поиске места, где меня не достанет мстительность Эстена и его верного друга.

Почти сразу пришлось признать честно, что одной, без поддержки и подсказки, с этой задачей мне не справиться никогда. Значит, придется просить помощи у надежных друзей... а их у меня теперь, после потери самых верных, как я наивно считала еще час назад, осталось так мало, что хватит пальцев одной руки. И двое из них — мои наставники, а еще двое — родители. Но до отца с матерью, как и до леди Модены, слишком далеко... значит, остается учитель боевых умений, лорд Герсорт. Ведь только к нему в дом я могу заявиться даже в глухую полночь, не перепугав и не рассердив хозяев.

Достав из шкафа самый простой и непримечательный из принесенных сюда заранее запасных дорожных костюмов, переделалась как по тревоге. Побросав в карманы все более-менее ценные личные вещи, натянула шляпу-маску и вышла в пустой порталный зал. Но свернула не к кабинкам порталщиков, отправлявших наемников в поле, а к кругу, открывающему пути в разные города родного материка. С него можно бесплатно уйти в любое место, запомненное личным амулетом и отмеченное маячком.

Но сейчас самым главным достоинством порталного круга для меня было совершенно другое. В цитадели никто никогда не контролировал используемые магами круги, и ни один сыщик не сможет проверить, куда я ушла, и даже пытаться не станет.

На порталной башенке холодный шальной ветер мотал тускло светивший фонарик, превращая глухую ночь в беспорядочную пляску призрачных теней. Таких же неустроенных и бесприютных, какой чувствовала себя я.

Поддев пальцем завиток на наизусть изученной защелке, крутнула ее влево, и дверца распахнулась. Внутри было светлее и намного теплее, и едва дверца за мной захлопнулась, появилось ощущение уюта и покоя, всегда возникавшее у меня в этом доме.

И не успела я дойти до нижней площадки, как на ней появился сам хозяин, магистр Стайн Гесорт.

— Снимай свою шляпу, — сказал он буднично, — у нас чужих нет. Пойдешь умываться или сразу в столовую?

— Только что умылась, — сказала я правду и тихо добавила: — Но за мной может быть погоня.

— Мы в курсе, — невозмутимо сообщил Стай, дождался, пока я встану рядом, и, приподняв пальцами за подбородок мое лицо, внимательно изучил. — Правильно сделала, что пришла сюда.

Повернулся и направился в сторону небольшой, уютной столовой. Я молча шла следом, ощущая, как все теплее становится в замерзшем измученном сердце. Самый сильный из боевых магов Тезгадора, легендарный и непобедимый стальной Стай был еще и самым верным и надежным другом.

— Гина, — резво вылетела из боковой двери навстречу мне леди Гесорт, всегда такая порывистая, непосредственная и совершенно не похожая на хладнокровного мужа, — мы тебя уже ждем! Еще вечером собратья весточку прислали, и Стай сразу написал друзьям, чтобы выяснили, в чем там дело!

— Болтушка, — с любовью оглаживая жену взором, усмехнулся магистр, — про чай-то не забыла?

— Да все на столе уже! — Крепко обнимая, леди Альмисса неуклонно подталкивала меня к дверям, из которых появилась. — Но пусть сначала посмотрит... потом ей не до того будет.

Она немного снизу заглядывала мне в глаза и улыбалась так гордо и счастливо, что просто невозможно было объяснить, что к маленьким детям я и близко никогда не подхожу. Просто не имею никакого представления, как с ними обращаться, и жутко боюсь случайно причинить какой-либо вред.

В просторной комнате, обставленной почти игрушечными кроватками, столиками и креслицами, освещенными мягким зеленоватым сиянием магического светильника, было еще уютнее и безмятежнее, чем в остальном доме, хотя мгновение назад я готова была утверждать, что это невозможно. Не знаю, что именно вызывало такое ощущение — белизна кружевных занавесок и подушек или обилие ярких, нарядных игрушек и маленьких одежек, но мне сразу захотелось остаться именно тут. Сесть прямо на пушистый белый ковер, любоваться незнакомыми вещами и не думать ни о каких отборах и лордах.

— Сюда! — Альми подтолкнула меня к тюлевому балдахину, под которым спали два совсем крохотных, но уже абсолютно настоящих человечка.

Подлинных от ноготков на малюсеньких пальчиках до кукольных носочков на пухлых ножках. На малышах не было пышных, длинных атласных платиц и чепчиков с кружевом, оборками и лентами, как на всех младенцах, каких я видела издали до сих пор. Только батистовые рубашечки и эти носочки, умилившие меня до слез.

— А им не холодно? — сам вырвался неожиданный вопрос. — Может, хоть одеялом укрыть?

— Маг я или кто? — возмутился незаметно присоединившийся к нам учитель. — Вон взгляни — амулет. Следит за их ощущениями. Как только начинают мерзнуть и поджимать ножки, сразу добавляет тепла. Детской коже полезнее всего воздух, а не красивые тряпки.

— Как проснутся, дам тебе подержать, — пообещала Альми, налюбовавшись на своих первенцев, — а сейчас уходим. Они — будущие маги и уже ощущают чужую энергию. Не была бы ты щитом, еще лет пять бы их не увидела.

— Спасибо, — искренне выдохнула я.

Знакомство с наследниками семьи Гесорт стало подлинным бальзамом для моей израненной души.

— Ну рассказывай, — усадив меня за стол и подвинув чашку барбарисового чая, предложил учитель, и я выложила все без утайки.

И про свои надежды, и про нанесенные предателями обиды. К концу рассказа я уже горько плакала, ничуть не стесняясь и не скрываясь. Здесь поймут, не осудят и никогда потом не попрекнут минутой слабости и не подковырнут.

— А про этот отбор... или смотрины, как они лукаво это называют, ты прежде знала? — спросила Альми, и я отрицательно помотала головой.

А когда доплакала, вытерла слезы и запила горечь предательства кисло-сладким чаем, призналась:

— Краем уха, конечно, не могла не слышать, все леди шепчутся... по секрету. Но меня это не интересовало, поэтому обычно думала о своем. Родители оставили на меня все хозяйственные дела. К тому же почти каждую ночь уходила на Харгедор, там настоящая жизнь, а не глупые сюсюканья про женихов, шляпки, чулочки и модные декольте. От таких разговоров мне через пять минут хочется спать и рычать.

— Твоя ученица, — без упрека объявила Альми мужу и теснее прильнула к его плечу.

— Единомышленница, — мягко поправил он. — Других в ученики не беру. Зачем тратить свое драгоценное время на девицу, которая в лучшем случае сможет похвастать умением держать лук на герцогской осенней охоте? А на Харгедор тоже хотел бы сходить — как только позволишь.

— Не верь ему, Гина, — счастливо улыбнулась леди Герсорт, — никого я не держу. Сама понимаю, как тошно воину сидеть у камина, когда там бьются его ученики. Но он сам не хочет, пока малыши не подрастут. Как будто не будет возвращаться сюда каждый день.

— Да мы уходим всего на три-четыре часа, — пояснила им правила, которые Стай, без сомнения, знал и сам. — Успеваем и отдохнуть, и сделать все дела. Ну, на всякие балы и обеды, конечно, стараюсь ездить лишь в тех случаях, когда отказ расценят как неуважение. А как теперь идти на Харгедор, даже не представляю. Они же, несомненно, охоту на меня откроют... за что только, непонятно?

— А вот в этом я сам сейчас разбираюсь, — сообщил магистр, достав из звякнувшего почтового амулета свернутую в тугую трубочку записку. — Мне об отборе было известно заранее, приглашали помочь в судействе испытаний. Разумеется, я отказался, но справки навел. Кстати, скажи мне, а кто твой второй напарник?

— Не знаю, — честно ответила я, открыто глядя учителю в глаза. — Он все время в безликой маске и в кожаной броне. Даже перчатки с рук не снимает.

— Я же говорила, — непонятно о чем вздохнула Альми, — наша Гина — простодушный цветочек и никогда таких игр не раскусит.

— Кто играет? — не поняла я. — Мне показалось, что этот отбор — очень серьезное событие. Герцогские фрейлины следят за избранницами, как коршуны.

— Страху нагоняют, — фыркнул Стай. — Но не отвлекайся. Подумай хорошенько, этот Ренд никого тебе не напоминал? Никаких подозрений не возникало?

— Но он-то при чем? — сначала изумилась я, не желая копаться в личных сундуках бывших друзей. А потом словно вочию увидела, как безоговорочно лучник встал на сторону Эста, и вздохнула: — Ты же знаешь, меня учили уважать чужие тайны и не лезть туда, куда не зовут. Одно могу сказать точно — он знатный лорд и весьма богат. В первый же день пришел в отличной броне и никогда не считал добычу, как другие.

— А вы сами ее собираете? — задумалась хозяйка, прежде не проявлявшая к подробностям нашей службы никакого интереса.

И это было очень правильно: последние полтора года время и мысли Альми принадлежали только заботам о себе и детях.

— Все по-разному. Некоторые сами, другие нанимают шкуродеров. А у кого хватает денег нанять или купить маа, тот берет к нему и наездника. И они сразу чистят поле. Но у Ренда маа свой, выращенный дома, и он справляется без помощников.

— И тебе неизвестно, у кого есть возможность держать дома маа? — насмешливо приподнял бровь магистр.

— Известно. Многим. Из-за вылазок на Харгедор вот уже лет десять-пятнадцать маа очень популярны, и предприимчивые охотники завели питомники. Ловят зверей и успешно разводят. Малышей может купить каждый состоятельный лорд. Я и сама уже подумывала, но не захотела объясняться с тетушками. Ведь родственницы даже не догадывались, чем занимается по ночам их подопечная. Впрочем, они уже в прошлом. Я сразу послала дворецкому приказ выкинуть предателей из дома. Отец дал мне такое право.

— Немного по-детски, — усмехнулся учитель, — однако я тоже уважаю чужие решения. Хотя тех змей и сам уже давно бы выставил. Даже без уточненных сведений мне понятно, как неспроста они спелись, ведь раньше терпеть друг дружку не могли. Ну а насчет маа ты ошибаешься. У твоего напарника зверь уже старый, это можно определить по верхним лапам, у молодых они светлые и мохнатые. Но сейчас важно не это, а другое: на что ты готова пойти ради избавления от статуса претендентки на место жены Эстена?

— На все, — решительно сказала я, хотя еще вчера и подумать не могла, что отважусь на подобное заявление.

— Тогда будем судиться. На письме, которое подается претендентками устроителем смотрин и неверно называется прошением, кроме печати должна быть твоя подпись. Да и писать его положено лично, как и отдавать магу, надзирающему за справедливостью и добросовестностью проведения смотрин. А тебя там не было. Да и сейчас ты сидишь у меня дома, хотя все уверены, что спишь в доме Эстена. Фрейлины объявили остальным избранницам, по обычаю собравшимся на вечерний чай, будто тебе стало нехорошо. И твои тетушки, исполняющие роль сиделок, это подтвердили.

— Но зачем? — никак не укладывалась у меня в голове абсурдность такой откровенной лжи. — Как они собираются выкрутиться, когда откроется правда? Неужели кого-нибудь нарядят мною? И как в таком случае Эстен будет доказывать

свою непричастность к их делишкам? Ведь я туда никогда не вернусь!

— Бедная Гина, — вздохнула Альми, — неужели ты еще не осознала, что тебе придется идти во дворец Эстена? И немедленно. Иначе твоя репутация будет растоптана в пыль.

У меня даже дар речи пропал после этого заявления. И не возвращался целую минуту, пока я потрясенно переводила взгляд с одного сочувственного лица на другое.

— Не переживай, долго ты там не пробудешь, — утешил учитель и показал мне записку. — Минут через десять к устроителям отбора явится адвокат цитадели и потребует немедленного свидания с тобой. Им придется проводить его в твою гостиную, спорить с представителями цитадели не позволено никому. Да он и не примет отказа. Постарайся упираться на то, что тетки подделали твою подпись и документы ради какой-то выгоды. А тебя привезли на отбор обманом. Адвокат, естественно, маг и имеет дар ментала. Он сразу их допросит и заберет тебя. Не соглашайся оставаться даже до утра. Все остальное я устрою сам.

— А сейчас идем переодеваться, — Альми и слова не дала мне возразить, — не нужно появляться там в этом костюме.

«Ну, это она мягко выразилась», — тихо вздыхала я, полностью признавая справедливость слов старшей подруги. Вернее было бы сказать — откровенно глупо появляться там в таком виде. Тетушки сразу бы взвыли сиренами, как взломанная защита на сокровищнице.

Однако, копясь в роскошных пеньюарах, я не могла не думать, с каким лицом предстану в подобном виде перед магистрами цитадели. Одновременно с досадой понимая, что еще вчера в первую очередь должна была вспомнить именно о них. Ведь каждый одаренный, независимо от возраста, статуса и силы дара, с того мгновения как подпишет договор на обучение с наставником магических ремесел, считается вступившим в союз магов. Законное право брать учеников имеют только мастера и магистры цитадели.

А на мою сообразительность, к великому сожалению, судя по всему, оказало влияние стойкое заблуждение окружающих. Ведь все знатные лорды и леди высокомерно полагают, что прекрасно проживут, не допуская цитадель в деликатные личные дела.

— Вот это, по-моему, подходит, — заявила Альми, подавая мне темно-сиреневый пеньюар, и деловито пояснила: — Цвет, конечно, блеклый, но ты и не должна сейчас выглядеть цветущей розой. Главное, шелк плотный и сорочка почти монашеская.

— Мои вещи собирали тетки, и там нет ни одной темной и скромной вещички. Боюсь, они сразу заявят, что я где-то гуляла.

— Сомневаюсь, что интриганки сознаются в своем произволе, — задумалась подруга. — Но если им хватит наглости — не спорь. Сразу признавайся, что попросила меня выслать что-либо попримечательнее. Давай поставлю свой знак, все равно все скоро будут знать, что ты обратилась за защитой к учителю.

Альми шлепнула снизу на край подола свою печатку, и на ткани вмиг расцвел синий вензель.

— Гина, пора! — раздался за дверью голос учителя. — Кстати, Криз проснулся.

— Идем, — потянула меня хозяйка, — исполню обещание.

— Я боюсь...

— Не смейся. В женщинах умение держать детей заложено природой. Просто выпусти на волю свою интуицию, она подскажет. И я же рядом.

Мы птицами влетели в детскую и вмиг оказались возле ширмочки, откуда доносилось тихое покряхтывание и мягкое урчание хлопотухи.

— Ах какой умница, сыночек, — шагнув за ширму, восхищенно пропела Альми, и я даже захлебнулась изумлением.

Никогда бы не подумала, что она умеет лепетать так сладенько и одновременно нежно, с неподдельным восторгом.

— Ну вот и мы, — выплыла из-за ширмы Альми, держа прильнувшего к плечу малыша.

Теперь на нем были смешные штанишки на лямках и вязаные туфельки. Золотистые пушистые волосики выглядели мягкими, как лебяжий пух, а серые глазки смотрели наивно и доверчиво.

У меня задрожали колени и мгновенно взмокла спина, когда Альми непреклонно, но бережно вложила в мои руки теплое и неожиданно вовсе не легонькое тельце.

Я стояла, боясь сделать малейшее движение, крепко прижимая к себе этот драгоценный знак высшего доверия, а невозможно прелестное существо вдруг вцепилось крохотными пальчиками в мой локон и потащило его в рот.

— Альми! — взмолилась я. — Что делать?

— Вернуть сына маме. — Бдительно присматривавший за нами Стай спас меня, отобрав малыша и ловко выгтащив волосы из детской ручки. — А парень-то не промах. Сразу рассмотрел хорошенькую девушку.

И не дав мне даже слова сказать, подтолкнул в открытый переход.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Путь привел меня в полутемную пустую спальню. Значит, прежде чем настроить портал, наставник открывал сюда следящий шар, не желая раньше срока столкнуть меня с тетками.

За эту заботу я была ему благодарна особо. Сейчас мне лучше подольше не видеть их лицемерных рож, иначе не сдержусь, шарахну чем-нибудь... не смертельным, но несмываемым.

В соседней комнате раздался стук, и Маральда тотчас отозвалась утомленным, полным печали голосом:

— Сейчас открою, не стучите так! Девочка только задремала...

— Добрый вечер, леди, — голос незнакомого мужчины был неукоснительно вежлив, но тверд, — я лорд Неверс, адвокат цитадели. А это леди Калиана, целительница. Мы имеем распоряжение главы цитадели навестить леди Элгинию Горензо.

— Посещение избранных запрещено правилами смортин, — раздался ледяной голос леди Анбетт.

Оказывается, и она там! Как жаль, что я не догадалась посмотреть заранее. Хотя ничего бы мне это не дало, да и наставник не зря промолчал. Иначе меня сейчас уже трясло бы от беспокойства и ненависти.

— У меня письменное разрешение герцогини Таринской, — в голосе адвоката прибавилось стальных ноток, — и приказ верховного совета.

— Нельзя же быть такими бесчеловечными! — с великолепно сыгранным возмущением выкрикнула Джана. — Дайте бедняжке отдохнуть хотя бы до утра.

Похоже, мне пора.

— Добрый вечер, — распахнув дверь в гостиную, поприветствовала гостей, — я Элгиния Горензо. И это я просила о помощи. Бывшие компаньонки доставили меня сюда обманом, держат взаперти, охраняют и никого не впускают.

— Мы проведем расследование прямо здесь, — объявил сероглазый мужчина средних лет и невозмутимо кастовал на потерявших дар речи интриганок незнакомый мне щит.

Каждая оказалась в собственном тесном коконе, и, насколько я понимаю, ни одна не могла оттуда ни уйти, ни подать какой-либо сигнал.

— Но это произвол! — злобно закричала Джана. — Мы свободные леди!

— Но бедные, — подходя ко мне, спокойно заметила леди Калиана, — а ваша бывшая подопечная богата.

— Она не бывшая... — оскорбленно поджала губы Маральда, но адвокат посмотрел на нее с искренним презрением.

— Цитадель четыре часа назад получила просьбу Хаверда Горензо провести расследование преступных интриг, творимых над его дочерью ее бывшими компаньонками, уволенны-

ми им со вчерашнего дня без рекомендаций и выходного пособия, с требованием возместить Элгинии Горензо причиненные ей душевные и физические страдания.

— Ей? Страдания? — захлебнулась ненавистью Джана. — Да эта маленькая распутница не имеет никакого представления ни о порядочности, ни о чести! Она каждый день уходит порталом к любовникам, а потом полдня отсыпается!

На меня словно ведро помоев вылили, так мерзко и обидно вдруг стало.

— Держитесь, леди, — шепнула целительница.

— Я не успел предупредить, — теперь голос лорда Неверса был не просто холоден, в нем звенела ледяная ярость, — что обладаю даром слышать ложь. И ни одна из подсудимых пока не сказала ни слова правды. А вот леди Элгиния ни разу не солгала. Хотя отвечать на оскорбления подсудимых потерпевшая не обязана. Но вам будет предоставлен шанс немного облегчить свою участь, если чистосердечно признаетесь, зачем заманили леди Элгинию в этот дворец.

— Чтобы выдать замуж, пока ее грязные похождения не стали известны всему герцогству, — неуступчиво процедила Джана.

— Десять лет в монастыре для нераскаявшихся преступников без права переписки! — невозмутимо объявил лорд Неверс, и Джана исчезла, слово растаяла.

— Что здесь происходит? — раздался от двери голос Эстена, и я невольно сжалась.

Леди Калиана мгновенно подхватила меня под руку и ободряюще улыбнулась.

— Расследование преступления, совершенного по сговору преступной шайкой знатных дам против леди Элгинии Горензо, — сухо и невозмутимо пояснил магистр. — Я лорд Неверс, адвокат цитадели.

— Какое право вы имели среди ночи врваться в мой дом? — Эст явно злился.

— Лорд Эстен, вы либо слишком мало интересуетесь правилами своих собратьев по цитадели, либо имеете отношение

к творящимся в вашем доме беззакониям, — так резко осадил моего напарника магистр, что даже у меня от стыда за него вспыхнули уши.

— Какие именно беззакония вы имеете в виду? — Удивительно скоро справившийся с замешательством Эст теперь держался с завидным спокойствием и уверенностью.

— Преступный стовор устроителей ваших смотрин и компаньонки леди Элгинии Горензо. Они обманом заманили сюда леди и заставили участвовать в отборе, подделав ее подпись.

— Она шла сюда совершенно свободно, не проявляя никакого сопротивления, — голос Эста заскрежетал ржавым металлом.

— Это ничего не значит. Просто девушка полностью доверяла своим тетушкам, — холодно произнесла целительница, — как и положено воспитанной леди.

— Леди Маральда, — словно забыв про его милость, адвокат пристально уставился на мою бывшую родственницу, — вы не ответили на мой вопрос, зачем вам понадобилось так поступать с вашей бывшей подопечной?

— Это не я, — резво выпалила тетушка. — Это все Джана придумала, чтобы спасти Гини от позора.

— Я же предупреждал, что слышу ложь, — с презрением ухмыльнулся магистр. — У вас есть последняя попытка сказать правду. Ну? Я жду.

— Я женщина бедная, меня можно оболгать и припугнуть... — заныла тетушка, и магистр, явно потеряв терпение, резко махнул в ее сторону ладонью. Нет, она не исчезла, как я ожидала, просто как-то привяла, поникла и безропотно забормотала: — Джана сказала, сможем купить по имению. Дело простое, только привезти в дом, тут нам помогут. Анбетт сама документы забрала... и сама отнесла... а нам дала по ожерелью...

Грохот раздался внезапно, но я успела по отработанной до автоматизма привычке поставить самые мощные щиты. И сквозь них смотрела, как взрывается жаркими всполохами

огня кокон, в котором сидела леди Анбетт и она начинает за-полошно махать руками.

А потом ушей достиг тонкий, полный невыразимой муки визг, и лорд Неверс жестко приказал целительнице:

— Уводи леди Элгинию, она признана пострадавшей.

Я хотела объяснить, что без моих щитов тут будет жарковато, но не успела.

Все происходящее вмиг скрыла непроницаемая мгла, вскоре сменившаяся знакомой обстановкой порталной башни моего родного замка.

— Он не успел сказать, — оглядевшись, спокойно сообщила леди Калиана, — что по просьбе твоих родителей цитадель временно назначила меня компаньонкой. Надеюсь, ты не возражаешь?

— Конечно нет, — пробормотала я и, чувствуя, как ослабели вдруг колени, опустилась на ближайшую из скамеек, расставленных вдоль стен. — А вы... поняли, что произошло с леди Анбетт?

— Попыталась уйти порталом, — безмятежно пояснила целительница и села рядом. — Но не учла, что адвокаты цитадели пользуются самыми сильными артефактами.

— До сих пор мне казалось, — нервный смешок вырвался у меня произвольно, — будто адвокаты занимаются немного другими делами.

— Это распространенное заблуждение, — снисходительная улыбка скользнула по полным губам целительницы, — ограничивать представление о правах представителей цитадели правилами, принятыми у обычных людей. Это герцоги и знатные лорды содержат армии следователей, адвокатов, прокуроров и судей, так как все они вынуждены следить друг за другом и никому не могут доверять. А лорда Неверса правильнее было бы именовать прокурором, однако жители Тезгадора с опаской относятся к этому званию, вот и приходится магистрам немного лукавить. Но лишь в том, что касается незначительных тонкостей в названиях. А на самом деле адвокаты гильдии одновременно и следователи и судьи. И выбираются

на эту должность только люди, которые обладают незапятнанной репутацией и непререкаемым авторитетом и имеют огромный опыт в распутывании преступлений и установлении степени вины злоумышленников. Потому и получают особые, расширенные права.

Она помолчала, ожидая моих вопросов, но я уже осознала и приняла правильность подобного метода. Испытала на собственной шкуре, можно сказать. Вряд ли я попала бы домой так быстро, если бы за дело взялись столичные дознаватели. Вот те никогда не пропустили бы слов Джаны про мои ночные приключения. А кстати...

— Леди Калиана...

— Зови меня просто по имени, — мягко перебила она, — мы сородичи по цитадели, а у нас не принято наедине обращаться между собой строго по этикету. О чем ты хотела спросить?

— Джана сказала... — я запнулась и смолкла.

Повторить грязное обвинение мне почему-то оказалось не под силу.

— Гина, — добродушно улыбнулась новая компаньонка, — тебе нужно почаще появляться в цитадели. Тогда ты знала бы, что война с монстрами на Харгедоре — это одно из самых важных наших дел, и все помнят поименно отважных бойцов, каждую ночь выходящих на бой. Верховные магистры давно заметили сильного защитника, не допустившего ни одного фатального прорыва. Поэтому я сразу поняла, что Джана лжет, хотя и не обладаю способностями Неверса. Ведь все порталы в курсе, что ты всегда уходишь с базы именно в этот замок, у них записано до одной минуты. Не ради проверки своих собратьев, а чтобы знать, где кого искать, если спасателям понадобится срочная помощь. Ведь собирать в подобном случае будем самых лучших.

Я слушала ее, разинув рот от потрясения, и мир в моем сознании начинал понемногу переворачиваться вверх ногами. А моя жизнь вдруг резко разделилась на две части — до этого мгновения и после. Прежде я была странной, никому не интересной девицей, которая усердно подсчитывает в отцовском

кабинете доходы и расходы в отчетах управляющего и дворецкого, пытаюсь придумать, как отказаться от послеобеденного чая или ужина у одной из великосветских дам, считающих престижным собирать вокруг себя толпы модных или скандально известных личностей.

А теперь я прежде всего боевой маг, один из лучших щитов, и могу ходить в цитадель свободно, как сюда. И общаться там с такими же щитами и мечами, как Эст, делиться с ними опытом и задумками.

— Но отец ничего мне об этом не сказал... и Стай тоже...

— Таково непреложное правило. Цитадель как мать следит за всеми нами и помогает по первому зову или даже без зова. А вот маг должен самостоятельно созреть до понимания, насколько важна для него цитадель. Не станет ли он чувствовать себя изгоем среди прежних друзей и родни, если начнет больше времени уделять интересам и делам собратьев по дару?

— Но ведь... — Договорить я не успела, в центре комнаты вспух и опал темный овал портала, оставив на ковре моего учителя, имевшего привычку в дома к друзьям и ученикам ходить напрямую, используя мощный порталный амулет.

— Как вы тут? — справился он, смерив меня пристальным взглядом, и добавил с досадой: — Не ожидал я такого поворота.

— Удалось спасти? — встревоженно смотрела на него целительница.

— Да, но память последних месяцев, похоже, выжжена безвозвратно. Примерно до середины прошлой зимы.

— Вы про кого? — похолодев, спросила учителя, боясь услышать ответ.

— Про леди Анбетт, — со вздохом пояснила целительница. — Ты же видела, что там творилось? Кстати, спасибо за щит, свой я поставила на секунду позже. А она не маг, потому и не сообразила, что портал будет толкать ее вперед, а щит — держать, и они обязательно вступят в противодействие. Нам на расстоянии пяти шагов было жарко, а у нее реакция шла на темени... прости за подробности.